

УДК 821.161.1-94

Ю.В. Чмирис**«ДНЕВНИК» СУВОРИНА В КОНТЕКСТЕ
ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

«Дневник» Суворина представляет собой явление, которое не так часто встречается в литературе, когда известный, влиятельный человек откровенничает наедине с собой, не заботясь о том, чтобы его записи увидели свет и были опубликованы. В этом смысле записи Суворина стали ярким примером того, когда автор, не желая того,

Ю.В. Чмирис, 2014

чтобы его записи были напечатаны, предельно честно и открыто высказывает свое мнение, дает откровенные и порой безжалостные оценки как своим врагам, так и друзьям.

О. Егоров относит «Дневник» Суворина к тому типу записей, авторы которых приступают к ведению ежедневных наблюдений лишь во второй половине жизни. По мнению Егорова, именно во второй половине жизни основной функцией дневника становится «инстинктивное желание автора разобраться со своим бессознательным» [1, с. 47]. Как известно, Суворин впервые начал делать записи еще в 1873 г., когда ему было всего 34 года, но эти попытки не были слишком успешны. По всей видимости, их автор еще не созрел до ведения настоящего дневника. Первые пробы делать ежедневные записи не были успешными, Суворин обращался к «Дневнику» крайне нерегулярно, порой перерывы в записях составляли до нескольких лет. И только по прошествии многих лет Суворин был готов к ведению более или менее регулярных записей. Постепенно он испытывал глубокую внутреннюю потребность в ведении дневника все больше и больше, что можно объяснить необходимостью в психологической разрядке, способом регулирования душевного напряжения, поиска отдушины от накопившихся проблем и обид.

Человек, проживший яркую и долгую жизнь, имевший возможность общаться с величайшими современниками – Чеховым, Толстым, Достоевским, Некрасовым, Тургеневым, Никитиным и многими другими, фиксировал свои наблюдения и мысли на страницах «Дневника». Автор записей не заботился о том, что слова его могут быть для кого-то обидными, так как даже и не предполагал, что хотя и почти столетие после его смерти, но все же эти записи станут доступными любому читателю. Особенно дороги автору «Дневника» были записи, например, посвященные, разговору с П.А. Ефремовым о дуэли Пушкина, воспоминания о последних минутах жизни Л.Н. Толстого, Н. Некрасова, И. Тургенева, А. Чехова, Ф. Достоевского. «Дневник» Суворина – галерея портретов, имен, встреч и сцен из петербургской и московской жизни, ценный источник воспоминаний и впечатлений, полученных автором записей за свою долгую и

непростую жизнь. Суворину удалось описать увиденное и услышанное с безошибочной меткостью, описываемым героям он дает яркие, тонкие психологические характеристики.

Отдельное место в «Дневнике» занимает театр, так как это увлечение Суворина занимало существенную часть его жизни. Разочаровавшись в своей газете, пережив множество трагедий в семье, он посвятил театру значительную часть рабочего и свободного времени. Эта страсть Суворина не могла не найти отражение в его записях. Безусловно, «Дневник» дает возможность понять и личность самого автора, в этих записях содержится обширный материал о жизненных и профессиональных взглядах Суворина, о его истинном отношении к газете «Новое время», о семейных проблемах и личных неурядицах. Поскольку своеобразие этого текста может быть понято только в контексте русской дневниковой прозы, мы сравним его с некоторыми другими дневниками.

«Дневник» Суворина весьма разнопланов: в нем встречаются как документальные записи о самых разнообразных событиях как общественно-политических, литературных, культурных, так и свидетельства о личных встречах с современниками. Кроме того, Суворин предается воспоминаниям о своем детстве, юности, первых шагах в журналистике и профессиональной деятельности. Необходимо отметить, что в «Дневнике» Суворина, безусловно, присутствует мемуарный элемент, однако он не является в тексте доминирующим и не выходит на первый план.

К тому же автор записей порой дополнял свой дневник вырезками из газетных статей, некоторыми письмами, вероятно для того, чтобы зафиксировать яркие впечатления и эмоции, пережитые от того или иного события. Использование в тексте дневника дополнительных материалов, к примеру, телеграмм, отрывков из писем и газет или документов, является типичным для авторов записей, которые включали социально-политический аспект в свои записи. Тенденция использовать дополнительные документальные источники была характерна, например, для дневников Д.А. Милютин, В.Г. Короленко, в том числе, и Суворина. В начале XIX в. дневник использовался в большей степени для воссоздания хроники личной жизни автора, а в

своих записях авторы главным образом опирались на личные наблюдения, не используя каких-либо иных документальных свидетельств. Суворин дополнял свои записи вырезками из газет, телеграммами, копиями своих писем, обращенных к тому или иному персонажу, мысли о котором высказывал на страницах своего дневника, чтобы найти и поддержку, и подтверждение своему собственному мнению на то или иное событие. Эти дополнения к «Дневнику» порой могут служить еще одной возможностью лучше понять личность Суворина, ведь именно «Дневник» был истинным «Я» его автора, а значит и все материалы, прилагаемые к его записям, дают возможность в той или иной мере проникнуть во внутренний, эмоциональный мир, скрытые мысли и переживания его автора.

В 60-е гг. XIX в. в ведении дневника, как известно, происходят определенные методологические изменения, которые отразились в характере отбора источников информации для текста дневника. Эти изменения объяснялись возросшим пониманием у авторов того, что дневник может стать незаменимым историческим документом для характеристики той или иной эпохи. Помимо этого значительно возросло общественное сознание, ощущалось определенное недоверие к официальным источникам информации, литераторы стали уделять большее значение общественному мнению и своему месту в обществе. На этой волне был опубликован целый ряд дневников, что также стало причиной ослабления многих устаревших тенденций в способе ведения дневника, который больше не был летописью лишь частной жизни отдельного автора. Формирование новых черт дневниковой прозы проходило в живом процессе их создания, публикации, обсуждения. Опыт предшественников усваивался и использовался новыми создателями дневников, среди которых были военные, общественные и политические деятели, юристы. Однако из общего числа произведений такого рода для литературоведа особенно значительными и интересными, конечно, являются дневники писателей, журналистов, деятелей искусства.

«Дневник» редактора «Нового времени» нельзя отнести к тому типу дневников, в которых доминируют записи о самых сокровенных

душевных тайнах. С другой стороны, он не относится и к тому типу записей, в которых преобладают описания встреч и наиболее знаменательных событий в жизни автора и современного ему общества. К примеру, в дневниках и записных книжках Л.Н. Толстого, М. Цветаевой, М. Пришвина на первый план выходят жизнеописания, в то время как у Суворина «Дневник» становится переплетением событий и впечатлений из личной и общественной жизни, характер его записей более многопланов и разнообразен.

Тон, которым написано большинство заметок в «Дневнике», довольно нехарактерен для Суворина. Если в газетных статьях он достаточно прямолинейно и бескомпромиссно высказывался по многим вопросам, то на страницах «Дневника» он полон сомнений, неуверенности в собственной правоте. В газете Суворин выступал как язвительный и яркий публицист, в «Дневнике» мы видим Суворина – частного человека, которому присущи заблуждения и слабости, который может только самому себе признаться в том, о чем думал. Автор дневниковых записей даже порой сердится на себя за несдержанность и излишнюю эмоциональность в статьях, но признается в этом только лишь на страницах «Дневника».

В то же самое время Суворин дает и достаточно трезвые характеристики некоторым министрам и политикам. В отсутствие необходимости угождать власти и быть осторожным в выражениях, он, к примеру, характеризует наследника престола, в будущем Николая II следующим образом: «Очень неразговорчив, вообще сер, пьет коньяк и сидит у Кшесинской по пять-шесть часов...» [2, с. 98]. Вообще Суворин в «Дневнике» нередко делал записи, посвященные власти и политикам. Автор «Дневника», как известно, был знаком со многими влиятельными чиновниками не понаслышке, многие из них сами приезжали к Суворину, часто обращались с просьбами поместить ту или иную статью в «Новом времени», состояли с ним в переписке. Именно благодаря этому Суворин многое знал о теневой стороне русской политики. Поэтому и в «Дневнике» он порой гневно отзывался о взяточничестве, хамстве, вероломстве и продажности некоторых министров, тон этих записей крайне резкий; автор

не скупится на издевки и высмеивание описываемых лиц. Суворин много рассуждает на темы наиболее оптимального общественно-политического строя для России, о государственной Думе, о поступках министров и даже государя, о роли и позиции «Нового времени» в вихре политической и общественной жизни страны. В подобных записях проявился писательский талант, чутье и оригинальный стиль Суворина-публициста, к которому он давно уже не прибегал в своих публичных выступлениях и статьях в «Новом времени».

Однако Суворин и себя ощущает частью этой машины. Так, он признается: «Каждый из нас, работающих под этим режимом, не может быть непорочным, ибо только в редкие минуты можно быть искренним. Чувствуешь над собой сто пудов лишних против того столба воздуха, который стоит над всяким» [2, с. 365]. Автор «Дневника» в полной мере отдавал себе отчет о своей карьере, об общественном положении. В «Дневнике» он признается: «В одной из своих записных книжек я нашел образчик свободной статьи. Писал я ее в Берлине. Попробовать разве теперь» [2, с. 364]. Став заложником своего положения, Суворин утратил возможность быть независимым журналистом. Понимая это, он все же нуждался в том, чтобы высказаться, поэтому «Дневник» стал местом, где Суворин мог предстать не только частным человеком, но и в роли независимого публициста.

Нельзя сказать, что Суворин придерживался каких-то определенных правил в создании «Дневника». В дневниковых записях Суворина нет единой структуры, схемы, которой автор следовал бы, передавая свои мысли и суждения, нет в нем, разумеется, и единого сюжета. Записи не всегда выстроены в хронологическом порядке, автор иногда возвращался к каким-то событиям из прошлого. Суворин, как правило, не считал необходимым делать пояснения или описания к тем или иным записям, упоминаемым событиям, именам. Это связано с тем, что он не предполагал публиковать свой дневник, а ему самому было понятно, о чем идет речь. Иногда записи Суворина весьма обрывочны, имеют характер недосказанности, что, впрочем, вполне свойственно композиционной структуре многих дневников. По мнению О. Егорова,

«отличительной особенностью дневника, своеобразным философским принципом является открытость его композиции» [1, с. 266].

Следует подчеркнуть, что «Дневник» вообще был написан очень небрежно, с множеством сокращений, понятных с первого взгляда только самому автору. Дневники, изначально ориентированные на публикацию, нетрудно отличить от тех, что полны откровений, которые автор не успел переосмыслить, переоценить и отредактировать, чтобы представить на суд окружающих. Кроме того, дневники, не ориентированные на публику, написаны языком, лишенным литературных штампов и клише, в то время как те, что пишутся с целью дальнейшей публикации, отчасти напоминают литературное произведение по своей стилистике и языку.

Необходимо отметить, что Суворин делал записи нерегулярно, в отличие, к примеру, от дневников и записных книжек Л. Толстого, который на протяжении всей жизни тщательно и скрупулезно записывал свои мысли и мнения. К своему «Дневнику» Суворин обращался нередко с перерывом даже в несколько лет, о чем и сам в последствии жалел, поскольку ему не удавалось восстановить произошедшие события в подробностях, хотя попытки такие он и предпринимал. Автор «Дневника» корил себя за то, что вел записи нерегулярно: «Я записываю очень неаккуратно. Когда есть что записать и стоит, я либо не имею времени, либо забываю. Таким образом, моя запись совершенно случайна. <...> А сколько людей видел и столько слушал вещей интересных» [2, с. 253]. Эта особенность ведения Сувориным его записей имеет нечто сходное с тем, как вел свой дневник Достоевский. Писатель так же, как и Суворин, не любил вести однотипные, регулярные, схожие по форме и структуре записи.

Язык, которым написан «Дневник» Суворина, можно считать еще одним доказательством того, что автор писал его не для публики, а для себя. Помимо резких характеристик, которыми Суворин неоднократно наделял героев своих записей, автор «Дневника» иногда прибегал к использованию нецензурной, бранной лексики, не считал нужным «сглаживать» свои высказывания в отношении власти и людей, чьи взгляды не разделял. Использование лексики, неприем-

лемой для печати, характерно и для дневника В. Брюсова, который также делал записи не для печати, а скорее для личного пользования. В отличие от образцов дневниковой прозы той поры, скажем, дневника К.И. Чуковского, в «Дневнике» А.С. Суворина несколько снижена художественная составляющая, над которой преобладает составляющая документальная.

Для Суворина «Дневник» был чрезвычайно важен и даже необходим. Во-первых, он прибегал к нему в трудные жизненные минуты, что было незаменимой возможностью излить душу, особенно, если рядом не было человека, с которым автор записей мог бы поделиться переживаниями. Во-вторых, Суворин в обществе всегда был человеком сверхэнергичным и деятельным, участвовал во всевозможных общественно-политических и культурных мероприятиях, а оставаясь наедине с «Дневником», он часто касался более глобальных жизненных вопросов: раздумывал о жизни и смерти, о своем месте в окружающем мире. Думается, Суворин при помощи своего «Дневника» старался по возможности отвлечься от насущных вопросов и текущих проблем, задуматься о более важных вещах, отрешиться от будничной суеты. «Есть что-то внутри меня такое, что заставляет вечно работать, вечно с книгой, с газетой, с бумагой. <...> Вот и живешь так, с утра до вечера хватаясь за дело, которое берет всего меня и которое составляет всю мою жизнь, – пишет Суворин в «Дневнике». – И в этом деле бездна фальшивого, пригнетающего и самого себя и других...» [2, с. 49].

В «Дневнике» немало записей посвящено самоанализу. Суворин пытается докопаться до истинных причин неудовлетворенности собой и плодами своей деятельности, разочарованности в себе и окружающем мире. Недовольство собой и своими поступками, вялость и апатия, – вот часто преобладающие в «Дневнике» настроения автора. В этой связи, можно говорить еще об одной черте дневника – его автопсихологичности.

Набор тем в «Дневнике», как свидетельствует анализ, очень широк и многогранен. Суворин иногда использовал свои записи в качестве учетной книги расходов и доходов, неоднократно давал

характеристики появляющимся в литературе и публицистике талантам, комментировал прочитанные книги, появлявшиеся в прессе новые публикации. Отдельное место на страницах «Дневника» занимали записи о людях, которых Суворин глубоко уважал и с чьим мнением ему доводилось считаться. Среди наиболее выдающихся имен назовем Чехова, Толстого, Достоевского, Буренина, Розанова и многих других. Порой в «Дневнике» Суворина мы встречаем элементы так называемого путевого дневника, когда автор описывает места, по которым путешествовал и бывал с целью отдыха и лечения. Суворин рассказывал о своем пребывании за границей, фиксировал свои путевые наблюдения и впечатления.

Хотелось бы особо отметить тот факт, что записи Суворина нельзя однозначно причислить к разряду писательских дневников, к которым можно отнести, к примеру, журналы В.А. Жуковско-го, достаточно обширные по объему записные книжки и дневники Л.Н. Толстого, весьма краткие и лаконичные записи А. Платонова и А. Чехова или рабочие тетради и военные дневники А. Твардовского. Тем не менее, «Дневник» Суворина и не настолько отделен от его творческой жизни, как, скажем, записные книжки и дневники М. Пришвина и Л. Толстого, записи которых были весьма самостоятельны по своей сути и тематике и не переплетались с творческими планами настолько, как у Чехова или Достоевского.

Суворин всей душой хотел обрести народную любовь и признание, честолюбие не покидало его никогда, что подтверждают многочисленные записи в «Дневнике». Находясь в кругу величайших талантов – Чехова, Толстого, Достоевского, Тургенева, Некрасова и множества других выдающихся писателей, соприкасаясь с их творчеством и наблюдая их успех, он стремился быть на одной ступени с ними, насладиться неподдельной любовью читателей и одобрением критиков, внести и свое имя в историю литературы. Сиюминутный успех радовал Суворина некоторое время, но не мог, конечно, сравниться с той славой, которая была у его более талантливых современников. Он метался не от желания получить больше материальных благ, а от жадности успеха и признания как со стороны друзей, так и врагов.

Суворин был сложной и неоднозначной личностью, понять и оценить по достоинству которую не смогли его современники: с одной стороны, общественный деятель с весьма консервативными политическими убеждениями, с другой, – журналист, неоднократно пускавший в ход фельетонные приемы, свойственные «желтой прессе», публицист, ориентирующийся на массового читателя. Некоторые ценили в нем, прежде всего, Незнакомца – одаренного и порой язвительного журналиста, а другие выделяли больше его заслуги как издателя крупнейшей газеты, редактора с авторитетным местом в обществе и богатейшим капиталом. Но поистине главной чертой Суворина была его любовь к России: этой страсти он остался верен до последних дней, не изменил взглядов и убеждений, ратовал за благополучие и процветание своего народа, как он их понимал. Для историков литературы наиболее интересными являются записи, посвященные встречам с русскими писателями, откликам на их произведения, замечания Суворина о литературном процессе той поры.

Как известно, дневник зачастую дает возможность глубже проникнуть во внутренний мир его автора, чем творческое наследие или личное знакомство с ним. Именно поэтому «Дневник» позволяет открыть Суворина и его мир с иной, доселе неизвестной стороны: он уже не самоуверенный, напористый, грозный редактор «Нового времени», а измученный и побитый жизнью, переживший семейную драму, наживший богатейший капитал, но так и не сумевший сохранить настоящую дружбу человек. Характерные особенности его «Дневника» – безадресность, литературная необработанность, спонтанный характер записей – со всей очевидностью свидетельствуют о принадлежности этого текста к той жанровой разновидности документальной прозы, которую принято называть литературным дневником. Его анализ дает возможность судить о литературных и эстетических взглядах А.С. Суворина, установить его место в русской культурной и литературной жизни той поры.

Литература

1. Егоров О. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра: Исследование / О. Егоров. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 208 с.

2. Суворин А.С. Дневник / Алексей Сергеевич Суворин [Подгот. текста Д. Рейфилда, О. Макаровой]. – London: The Garnett Press; М.: Изд-во Независимая газета, 2000. – 670 с.

Анотація

Ю.В. Чіміріс. «Дневник» Суворіна в контексті щоденникової прози кінця XIX – початку XX ст.

В статті проведено стислий аналіз основних особливостей і характерних рис «Дневника» О.С. Суворіна – одного з видатних діячів літературного, культурного, політичного та суспільного життя Росії кінця XIX – початку XX ст.

Серед головних рис «Дневника» О.С. Суворіна автор статті виділяє такі як автопсихологічність, щирість, спонтанність, літературну необробленість. Чіміріс Ю.В. підкреслює, що автор записів робив їх виключно для себе, не маючи подальших намірів щодо їх публікації, тому вони відрізняються особливою правдивістю. Чіміріс Ю.В. аналізує особливості «Дневника» О.С. Суворіна, зіставляючи його з щоденниками таких видатних письменників, як Л.М. Толстой, А. Чехов, Ф. Достоевський, А. Платонов, А. Твардовський, М. Пришвін та іншими. Автор статті приходить до висновку, що записи Суворіна дозволяють відкрити і дізнатися його внутрішній світ, таємні мрії і справжні погляди, які суттєво відрізнялися від думок, висловлюваних ним в якості редактора популярної у той час газети «Новое время».

Ключові слова: щоденник, щирість, спонтанність, автопсихологічність.

Аннотация

Ю.В. Чимири́с. «Дневник» Суворина в контексте дневниковой прозы конца XIX – начала XX вв.

В статье Ю.В. Чимири́с проводится краткий анализ основных особенностей и характерных черт «Дневника» А.С. Суворина – одного из видных деятелей литературной, культурной, политической и общественной жизни России конца XIX – начала XX вв.

Среди главных черт «Дневника» А.С. Суворина автор статьи выделяет такие как: автопсихологичность, искренность, спонтанность, литератур-

ную необработанность. Чимири́с Ю.В. подчеркивает, что автор записей делал их исключительно для себя, не предполагая их публиковать, поэтому они отличаются особенной правдивостью. Чимири́с Ю.В. анализирует особенности «Дневника» Суворина, сопоставляя его с дневниками таких выдающихся писателей, как Л.Н. Толстой, А. Чехов, Ф. Достоевский, А. Платонов, А. Твардовский, М. Пришвин и другими. Автор статьи приходит к заключению, что записи Суворина позволяют открыть и узнать его внутренний мир, тайные мечты и истинные взгляды, которые отличались от мыслей, высказываемых им в качестве редактора популярной в то время газеты «Новое время».

Ключевые слова: дневник, искренность, спонтанность, автопсихологичность.

Summary

Y.V. Chimiris. Suvorin's "Diary" in the Context of Diary Prose of the End of XIX – Beginning of XX Century.

The article presents a brief analysis of the peculiar features of "Diary" by Aleksei Suvorin – one of the outstanding literary, cultural, political and public figures in Russia at the late XIX – early XX centuries.

Among the main features of the "Diary" the following characteristics have been found: autopsychologism, sincerity, spontaneity, lack of literary finesse. The author of the article emphasizes that Suvorin didn't intend to publish the diary, so it shedding light on his private life, inner world, dreams and true thoughts, that much differed from those he published in the popular newspaper "Novoye vremia". Y. Chimiris analyses the key features of Suvorin's "Diary" and compares it with the diaries of other writers such as L.N. Tolstoy, A. Chekhov, F. Dostoevsky, A. Platonov, A. Twardowskiy, M. Prishvin and others.

Key words: diary, autopsychologism, sincerity, spontaneity.